

М.В. Титова, Т.Н. Троицкая

*Новосибирский государственный краеведческий музей,
Новосибирский государственный педагогический
университет, Новосибирск*

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ МЕЖДУ ЕЛОВСКОЙ И ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРАМИ

Поскольку в предлагаемой статье речь пойдет об еловской культуре эпохи поздней бронзы, мы считаем нужным объяснить, что мы, как авторы, понимаем под ней. Дело в том, что вопрос об этой культуре является дискуссионным, и исследователи обычно высказывают различные, не совпадающие друг с другом точки зрения. Поэтому мы вначале уточним, с чьей точкой зрения совпадают наши представления об еловской культуре, а затем на основании анализа материала поселения Крохалевка-7А остановимся на вопросе связи двух культур: еловской и ирменской.

В.И. Молодин говорит об отдельных самостоятельных и сосуществующих друг с другом культурах: еловской и ирменской. Наличие на каком-либо памятнике сочетания еловской и ирменской керамики он объясняет тем, что еловская культура на позднем этапе своего развития испытывала мощное ирменское влияние (Молодин В.И., 1985, с. 138). А.В. Матвеев не видит в лесостепном Приобье еловскую культуру. Он выделяет быстровский этап ирменской культуры, который, по его мнению, синхронен еловскому материалу, а их различия он связывает с расположением быстровских памятников, в отличие от южно-таежных еловских, в лесостепной части Приобья. Переходным к быстровскому этапу от андроновской культуры он считает ордынский этап (Матвеев А.В., 1993, с. 108, 109).

Ю.Ф. Кирюшин и А.Б. Шамшин параллельно ирменской культуре выделяют корчажкинскую. Они относят к ней и ряд предирменских памятников Новосибирского Приобья (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987, с. 137–158). А.Б. Шамшин отмечает присутствие в зольниках Быстровки 4 и Милованово 3 наряду с ирменским материалом и корчажкинской керамики (Шамшин А.Б., 2006, с. 121), отождествляя тем самым быстровский этап ирменской культуры (по А.В. Матвееву) и корчажкинскую культуру. В одной из своих работ он связывает с корчажкинской культурой керамику из Новосибирского Приобья, относимую А.В. Матвеевым к ордынскому этапу ирменской культуры (Шамшин А.Б., 2002, с. 498, рис. 1, 2).

В.И. Матющенко говорит об единой еловско-ирменской культуре (Матющенко В.И., 2004, с. 357), при этом он полагает, что еловская культура следовала сразу же за андроновской и что еловские могилы «хронологически очень близки ирменским; возможно, они смыкались во времени, даже некоторое время сосуществовали» (Матющенко В.И., 2004, с. 351).

Авторы предлагаемой статьи относят еловскую культуру к группе андронидных предирменских культур, более ранних по отношению к ирменской. Мы считаем, что под материалами еловской культуры можно понимать находки из Еловских могильников и Еловского поселения (на еловском этапе). Сюда же, по нашему мнению, относятся и материалы ордынского, и, возможно, быстровского этапов, выделенных А.В. Матвеевым.

Основной задачей нашей работы является выявление на базе материала поселения Крохалевка-7А взаимосвязи еловской и ирменской культур.

Памятник Крохалевка-7А входит в состав Крохалевского археологического микрорайона, который расположен в левобережье Новосибирского Приобья, напротив с. Крохалевка, около 20 км к северо-западу от Новосибирска, на высокой надпойменной террасе, идущей над системой озер, стариц и рек, лежащих в пойме бывшего рукава Оби (рис. 1, 7). В 2000–2003 гг. на Крохалевке-7А, лежащей в зоне строительства федеральной автодороги «Байкал», М.В. Титовой были проведены охранные раскопки. Памятник содержал разновременные объекты (Титова М.В., 2001, с. 475–476). Значительную часть его занимало поселение эпохи поздней бронзы.

Остановимся на этом поселении. Материал его частично издан, но без иллюстраций (Титова М.В., 2003, с. 138–142; Титова М.В., Невзорова И.В., 2002, с. 276–277). Раскопками были вскрыты полностью три крупных жилища (№№3, 5, 6), одно (№1) – почти полностью (оно было повреждено автотрассой) и небольшое хозяйственное помещение площадью около 16 кв.м без очага. План жилищ №3 и №5 представлен на рис. 1, 2, 3. Жилища были прямоугольными или квадратными, площадь их колебалась от 125 до 182 кв. м. Все они были слегка углубленными в материк: глубина их котлована в среднем не превышала 40 см. С внешней стороны жилищ выявлены неглубокие прерывающиеся ровики и ямы. Видимо, из них брали землю на сооружение завалинок – подсыпки землей стенок. В жилищах №№3 и 5 прослежен вход, видимо, типа небольших сеней, площадь которых в среднем достигала 4 кв. м, перекрытие входа опиралось на два опорных столба. Обычно жилище отапливалось одним очагом, расположенном на уровне пола или на материковом выступе. В жилище №5 очаг был округлым, диаметром около 60 см, и имел каменную обкладку из обломков крупно-зернистого гранита. В жилище №3 выявлено два очага, один из которых находился в овальной яме размером 2,00х1,14 м и глубиной до 64 см, второй очаг располагался на небольшом материковом выступе.

В ходе исследования котлованов жилищ №№3 и 6 вдоль стенок выявлены достаточно мощные слои сильно гумусированной черной супеси,

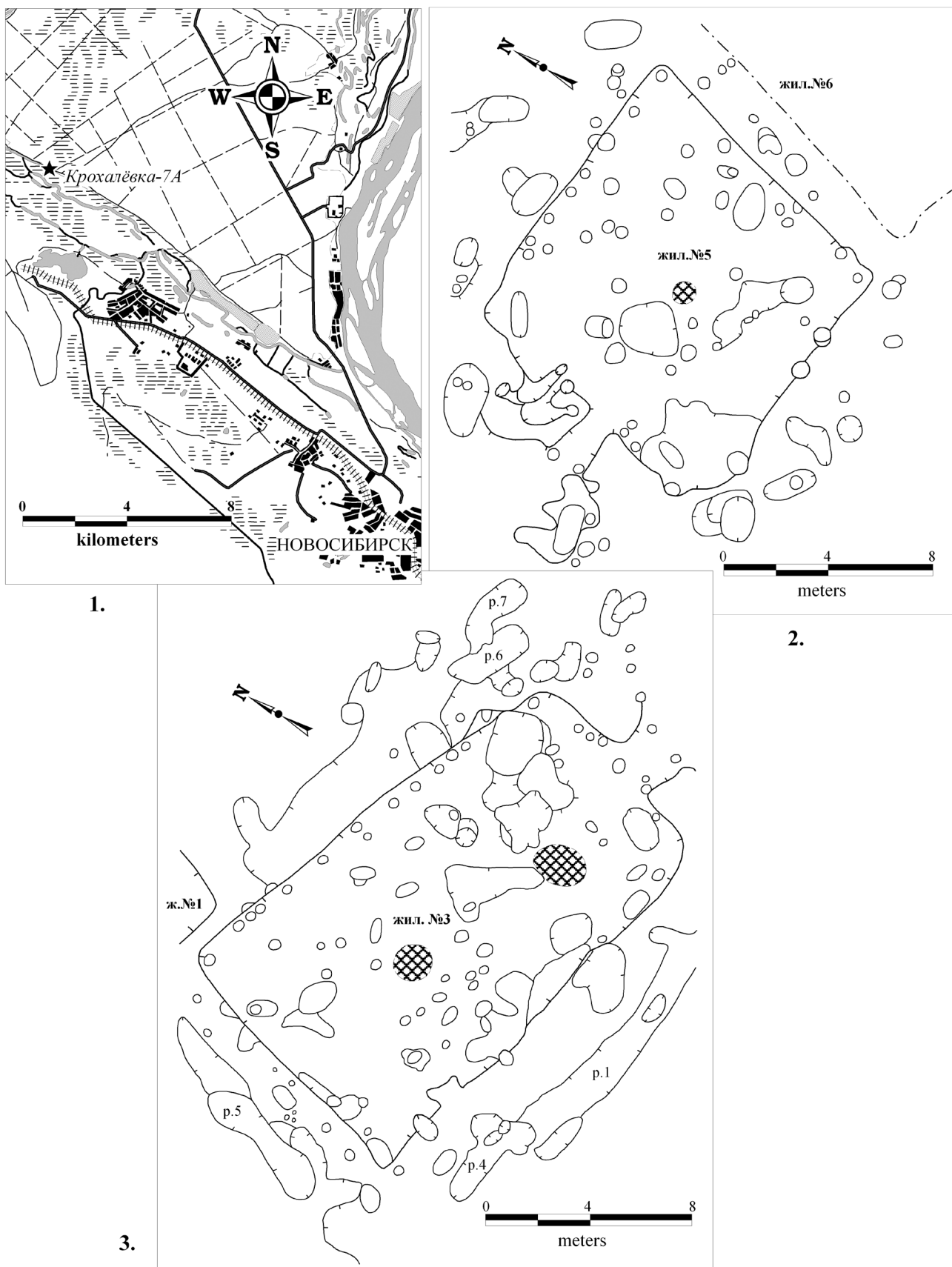

Рис 1. Крохалёвка-7А. 1 – схема расположения памятника; 2 – планиграфия жилища №5; 3 – планиграфия жилища №3

распространение которых прослеживалось на расстоянии от 2-х до 2,5 м от края стенки котлована. В этих частях жилищ отмечена невысокая концентрация находок. Судя по насыщенности черного слоя с характерными следами от потеков, скорее всего, тут в холодное время года содержали скот.

Аналогии жилищам, в которых также зимовал скот, мы находим в материалах ирменской культуры. Так в Новосибирском Приобье в поселении Быстровка-4 площадь жилищ колебалась от 200 до 250 кв. м, в поселении Милованово-3 – от 160 до 390 кв. м (Матвеев А.В., Сидоров Е.А., 1985, с. 32), в Ирмени-1 – от 116 до 120 кв. м (Матвеев А.В., 1991, с. 31–36). Столь же крупное жилище прослежено В.И. Матющенко в Еловском поселении, его площадь достигала 222 кв. м, в середине его находился очаг, сложенный из камней (Матющенко В.И., 1974, с. 107). В ирменских жилищах также были найдены очаги, аналогичные описанным нами для поселения Крохалевка-7А. Они подробно даны в работе Е.А. Сидорова и О.И. Новиковой. Это очаги наземные, расположенные на возвышенной площадке, и очаги углубленного типа (Сидоров Е.А., Новикова О.И., 1991, с. 83–84). Можно отметить, что известные в настоящее время два корчажкинских жилища, в отличие от перечисленного выше материала, были небольшими, каждое из них имело площадь около 30 кв. м (Очерки культурогенеза..., 1994, с. 145).

Особый интерес в материале Крохалевки-7А представляет собой керамика. В каждом из жилищ были обнаружены обломки как типично еловских, так и несомненно ирменских сосудов. Ниже мы даем обобщенную характеристику керамики поселения Крохалевка-7А. Полное ее описание с статистическим анализом будет дано при окончательной публикации материала поселения.

Остановимся вначале на керамике еловского типа, которая нами дана на трех таблицах (рис. 2, 4, 5). Большая ее часть представлена хорошо профилированными горшками с плавным переходом от шейки к тулову. Орнамент наносился почти на всю поверхность сосуда. В некоторых случаях орнамент покрывал ее от венчика до днища (рис. 2, 7). Он наносился как гребенчатым, так и гладким штампом или же был резным. Характерной особенностью многих встреченных на поселении еловских сосудов является гладкая, свободная от орнамента шейка (рис. 4, 1, 5, 8), узоры могли наноситься на ее нижнюю часть (рис. 2, 2, 3 и др.). Преобладает орнаментальная схема в виде рядов косых коротких линий, которые часто образуют сеточку или елочку. Эти ряды чередуются с ямочными вдавлениями, иногда разделенными насечками (рис. 2, 1, 2). Один из сосудов был сплошь покрыт рядами ямок. Встречены обломки сосудов с орнаментацией в виде заштрихованных равнобедрен-

ных треугольников и лент (рис. 5, 3, 4 и др.) Иногда треугольники были косыми (рис. 4, 3). В придонной части сосудов нередко присутствует гребенчатая или гладкая качалка (рис. 2, 1,3). Встречены отдельные фрагменты с орнаментом, выполненным струйчатым и циркульным штампом (рис. 4, 2; 5, 4).

Особо выделяется среди еловской керамики немногочисленная группа нарядных сосудов, носящая на себе все признаки андронидности в виде геометризма в орнаментации (рис.4, 1, 3-6; 5, 1-4). Сосуды отличаются тщательностью изготовления и небольшими размерами. Это хорошо профилированные горшки с отогнутой шейкой и иногда с резким переходом от шейки к тулову (рис. 3, 3), дно их плоское или уплощенное. Орнаментом чаще всего покрыто три четверти поверхности. Декоративная схема каждого сосуда индивидуальна. Очень часты различные комбинации заштрихованных равнобедренных треугольников и ромбов. В ряде случаев отмечены горизонтальные каннелюры (рис. 4, 8; 5, 3).

Ирменская керамика типична для своей культуры. Она представлена хорошо профилированными сосудами (рис. 3,1,2, 7). Орнаментирована лишь верхняя треть их поверхности. Шейка и плечики украшены геометрическим орнаментом, образующим заштрихованные равнобедренные треугольники и гладкие ромбы, а также одним рядом жемчужин, разделенных двойными или тройными насечками.

Встречены отдельные сосуды, которые по своей орнаментации являются переходными от еловской культуры к ирменской, они несут на себе черты обеих культур. Это свободная от орнамента верхняя часть шейки и заштрихованные треугольники внизу ее (рис. 3,5), каннелюры и углы заштрихованных треугольников, подчеркнутых точкой (рис. 4, 4; 5, 3), качалка и жемчужник (рис. 5, 5) и др. Как отмечает А.В. Матвеев, в комплексе исследованного им Быстровского поселения встречаются сосуды, в которых тесно переплетены быстровские и ирменские черты керамики. Это, по его мнению, является одним из доказательств генетической преемственности населения быстровского и ирменского этапов ирменской культуры (Матвеев А.В., 1993, с. 119).

Как указывалось выше, еловская и ирменская керамика сосуществовали в каждом из раскопанных жилищ, причем все эти жилища, судя по стратиграфии, функционировали в одно и то же, или близкое, время. Еловская керамика численно преобладала над ирменской в жилищах №№1, 3, 6. В жилище 5 примерно в одинаковых пропорциях встречены фрагменты сосудов еловские (рис. 2) и типично ирменские (рис. 3, 1,2, 7), тут же наблюдаются и переходные формы от еловской к ирменской орнаментации (рис. 3, 4, 5). Во всех жилищах и еловская и ирменская керамика могли находиться рядом друг с другом на

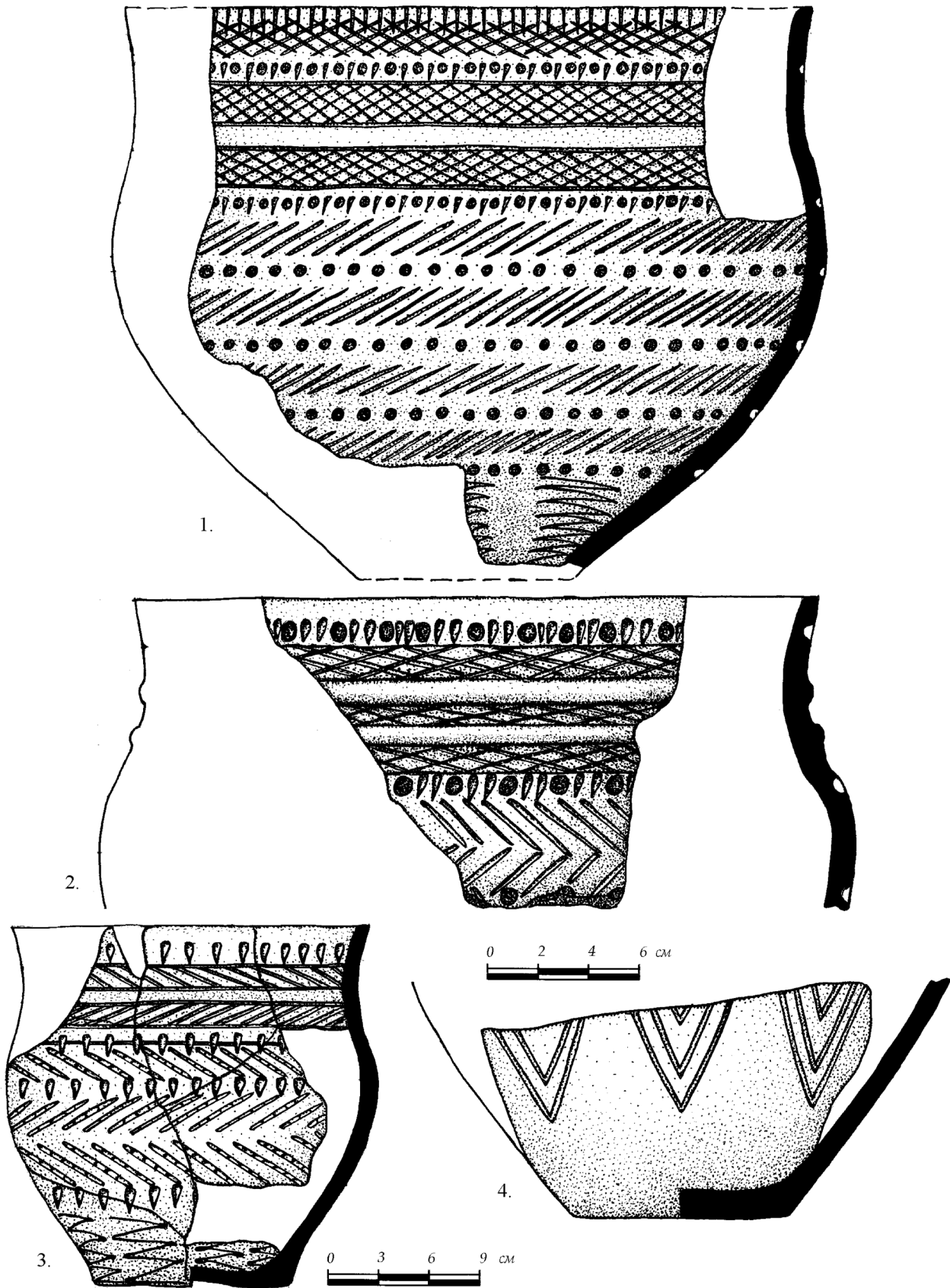

Рис. 2. Крохалевка-7А. Керамика жилища №5

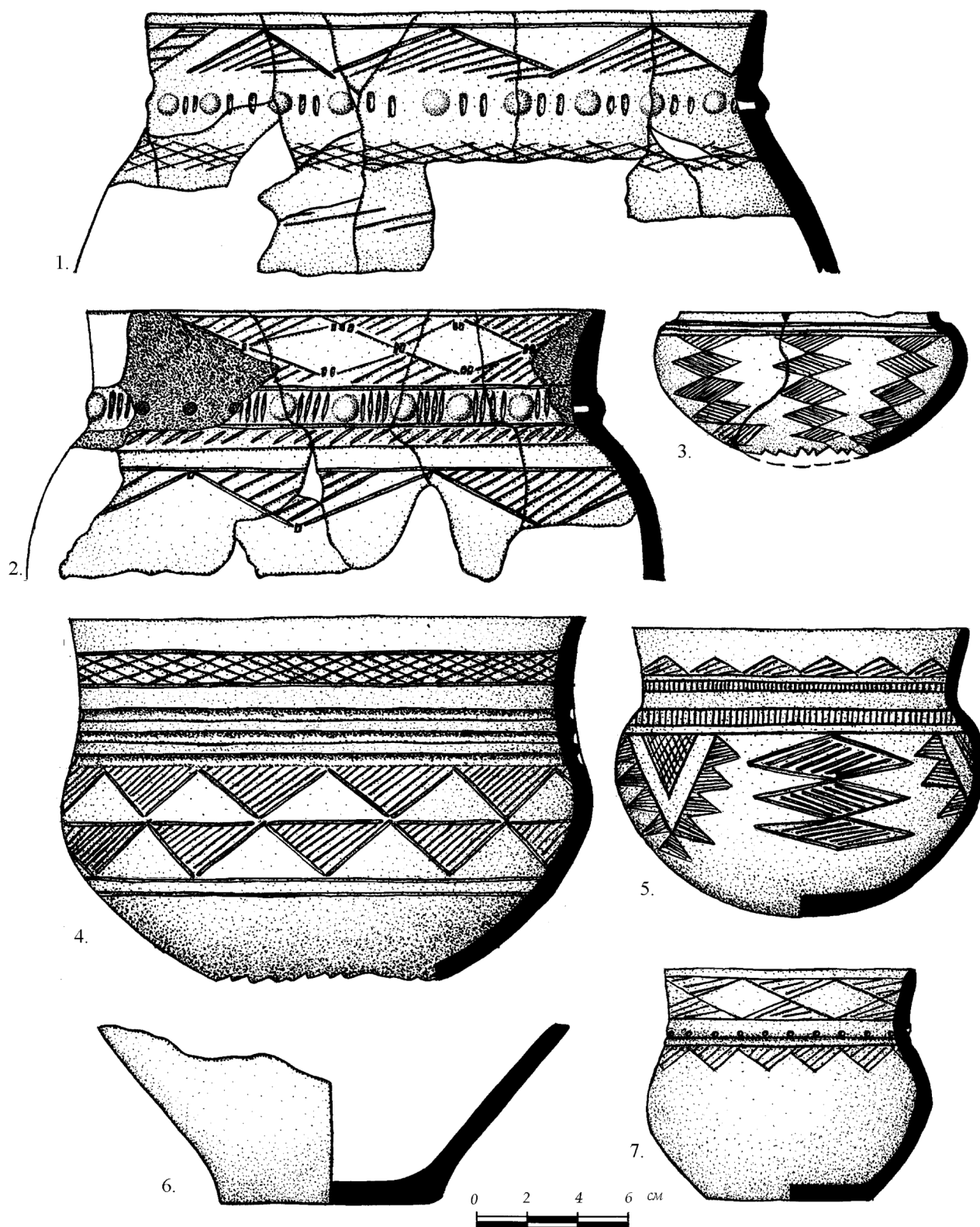

Рис. 3. Крохалёвка-7А. Керамика жилища №5

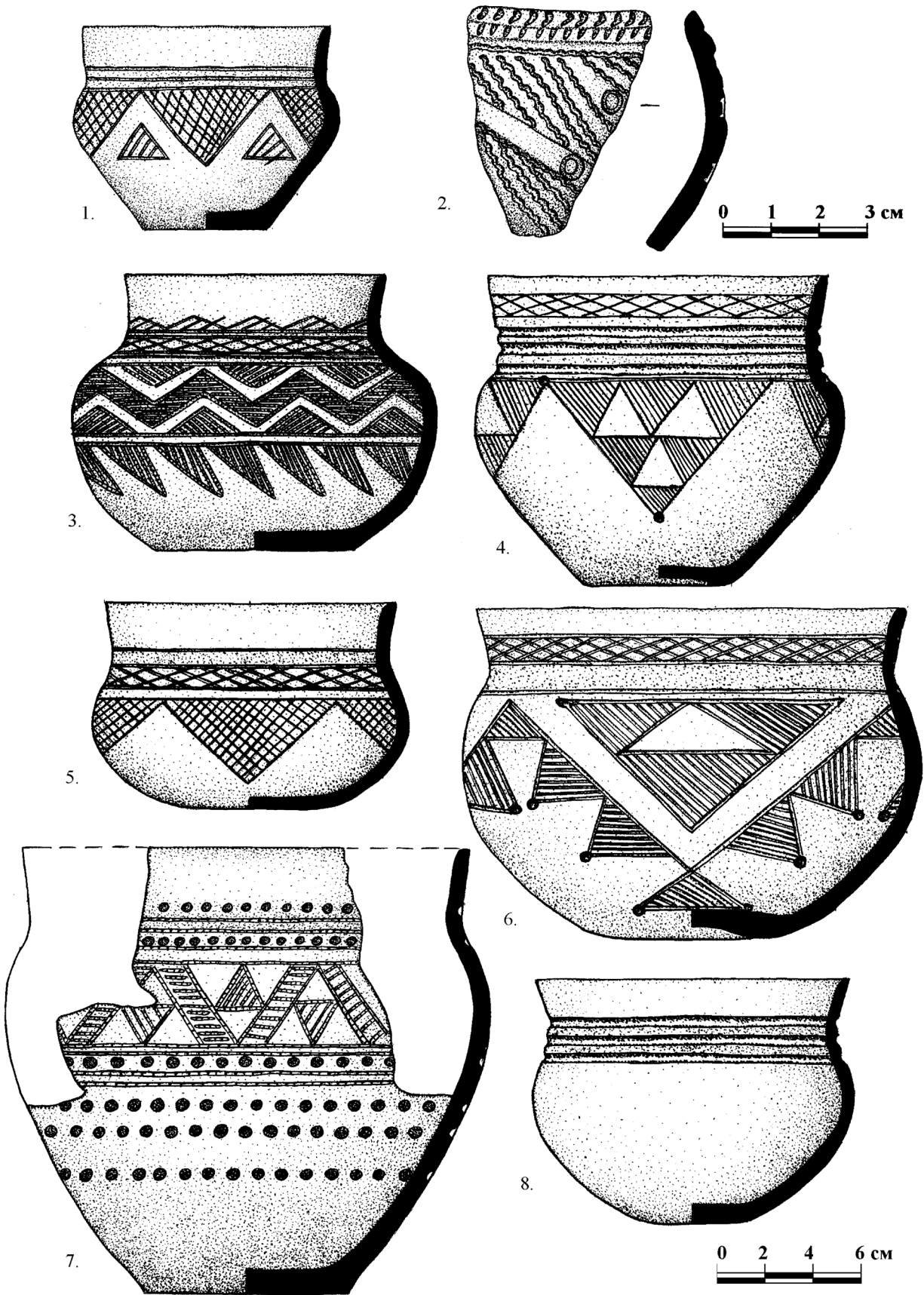

Рис. 4. Крохалёвка-7А. Керамика из жилищ и межжилищного пространства

уровне пола или в засыпи жилища, в одном случае они обнаружены вместе в одной ямке. Как среди еловской керамики, так и среди ирменской, встречаются мелкие обломки сосудов и, примерно в таком же количестве, крупные обломки, а иногда археологически целые сосуды. Все это является свидетельством их одновременного сосуществования.

Наблюдается определенное различие в технологии изготовления еловской и ирменской керамики поселения Крохалевка-7А, что было прослежено исследованием М.В. Титовой и В.А. Борисова (Титова М.В., Борисов В.А., 2004, с. 421–427). В их работе на конкретном материале показано, что по своим физико-технологическим показателям ирменская керамика данного памятника значительно отличается от еловской. Поскольку керамика еловской и ирменской культур поселения Крохалевка-7А отличаются друг от друга не только характером орнаментации, но и техникой их изготовления, можно предполагать, что здесь вместе проживали и сами носители этих культур, причем это происходило при численном преобладании населения еловской культуры.

Ближайшие аналогии еловской керамике представляет собой материал могильника Крохалевка-13, который тоже входит в состав Крохалевского археологического микрорайона. Отличие материала этих двух комплексов заключается в том, что в поселениях преобладает более простая обиходная керамика, а сосуды из погребений нарядные, тщательно изготовленные, именно они являются в определенной степени схожими с аналогичной группой керамики поселения Крохалевка-7А.

Могильник Крохалевка-13 содержит еловские и ирменские погребения. Первые представлены двумя могилами и рядом «поминальников». Эти объекты представляют собой сосуды, находившиеся на уровне погребенной почвы. Могильная яма и сам захороненный отсутствовали. Иногда рядом с сосудом лежали бронзовые нож или бляшка (Троицкая Т.Н., Софеев О.В., 1990, с. 66–71). В кургане 1 девять таких поминальников были расположены в один-два ряда на протяжении 12 м по линии, направленной с С на Ю. К северу от них по той же линии обнаружены две еловские могилы и одна ирменская, расположенная между ними. Ограбленность ирменской могилы и нарушение ее стенок не дают нам возможности на основании стратиграфии с определенностью утверждать их одновременность. О культурной принадлежности погребения свидетельствует найденный на краю могилы ирменский сосуд (рис. 6, 2).

Еловские сосуды из Крохалевки-13 относятся к числу «нарядных» сосудов (Троицкая Т.Н., Софеев О.В., 1990, с. 66, рис. 2). Характерной особенностью их орнаментации являлось то, что шейка сосуда оставалась гладкой, орнаментировалась лишь в

отдельных случаях ее нижняя часть (рис. 6, 3-6). Обычно же орнамент наносился на плечики и тулово сосуда. Орнаментация выполнена гребенчатым штампом, гладкой палочкой или же была резной. В одном случае узор был нанесен струйчатым штампом (рис. 6, 3). Гребенчатый штамп мог сочетаться с каннелюрами (Троицкая Т.Н., Софеев О.В., 1990, рис. 1, 12). Керамика выглядела нарядной, пестрой. Только на одном сосуде узор представлен елочкой и прямыми линиями (рис. 6, 6), обычно же он был геометрическим. Это заштрихованные равнобедренные и косые треугольники, ромбы, а также прямые или зигзагообразные ленты (рис. 6, 1, 4, 5). Встречаются треугольники и ромбы, заполненные циркульным орнаментом, иногда с точкой в центре (рис. 6, 3, 4). Ближайшие аналогии этим сосудам представлены в могильниках Еловский 1 (Матющенко В.И., 2001) и Еловский 2 (Матющенко В.И., 2004). Эти аналогии столь близки, что некоторые сосуды буквально повторяют друг друга. Они явно относятся к одной и той же культуре.

В насыпи кургана 1 Крохалевки-13 найдены остатки трезны. Это обломки верхней трети крупного сосуда (рис. 6, 7). С ирменской культурой его сближают заштрихованные треугольники и гладкие ромбы между ними, а также ряды ямок на шейке, разделенных между собой вертикальным штрихом. С орнаментацией еловской культуры связана гладкая шейка, лишь в нижней части которой имеется ряд оттисков угла палочки. Можно сказать, что этот сосуд совмещает в себе еловские и ирменские черты.

Одновременное сосуществование керамики ирменской и предирменской (еловской по нашей трактовке и быстровской по А.В. Матвееву) отмечается и в ряде других памятников Новосибирского Приобья, например, Ельцовском-2 (Новикова О.И., 2000, с. 142). А.В. Матвеев приводит целый список таких объектов (Матвеев А.В., 1993, с. 103). В Ельцовском-2 в жилище наряду с преобладающими ирменскими сосудами найдены и обломки еловских сосудов, поверхность которых орнаментирована вплоть до дна, там же встречен и орнамент-«качалка» (Новикова О.И., 2000, с. 147, рис. 5, 1, 3, 4). Особенно четко прослеживается постепенный переход от еловской (быстровской) керамики к ирменской при раскопках зольников, нижние слои которых вне сомнений содержат более ранний материал.

Подобное явление может иметь два объяснения. Первое: происходило постепенное увеличение в еловскую среду притока ирменского населения. Это подразумевает наличие таких, пока еще неизвестных, поселений, материал которых определенно синхронен еловскому и содержит только ирменский ранний материал. Согласно второму объяснению происходило постепенное развитие на предирменской базе самой ирменской культуры. Именно такой точки зрения

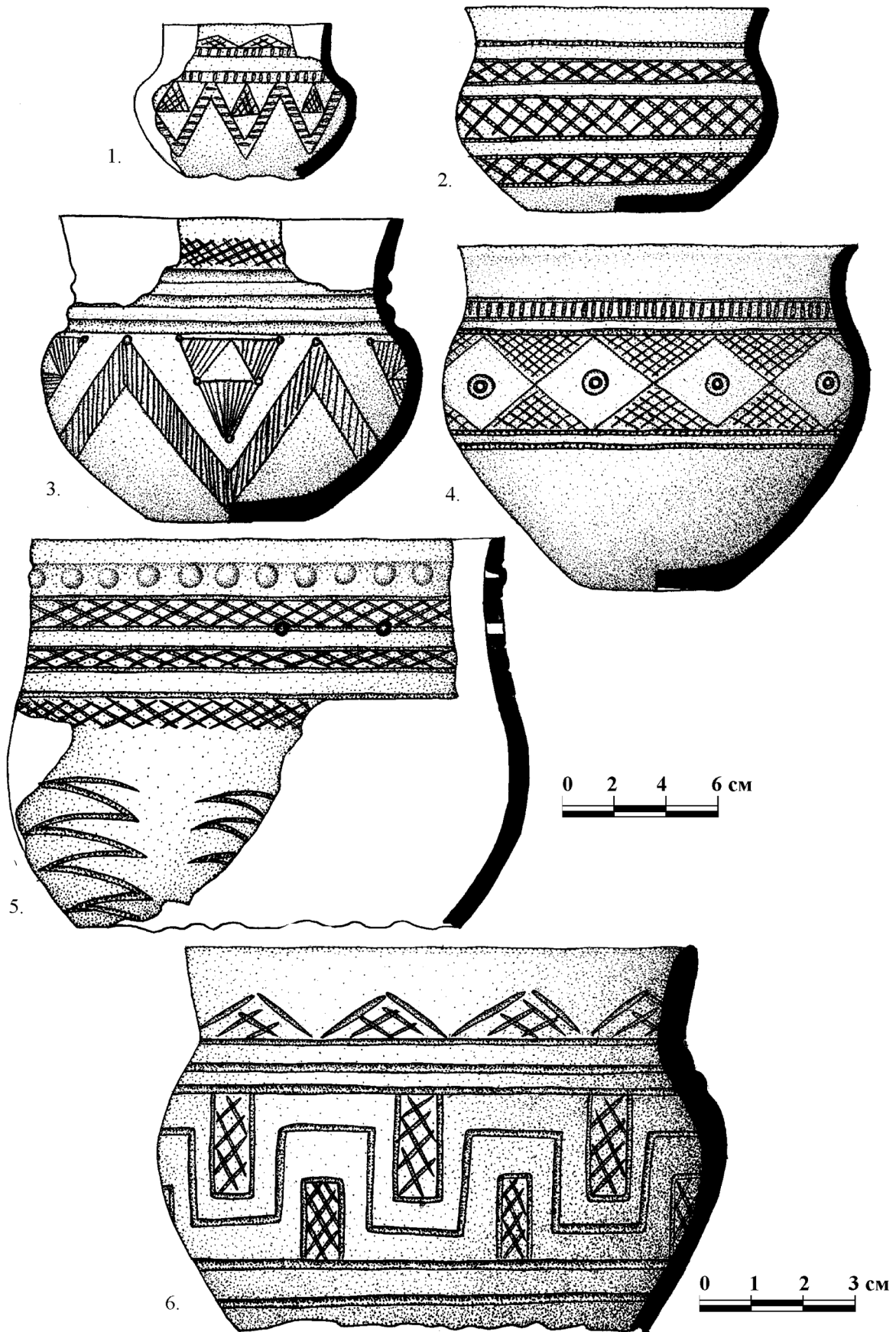

Рис. 5. Крохалёвка-7А. Керамика из жилищ и межжилищного пространства

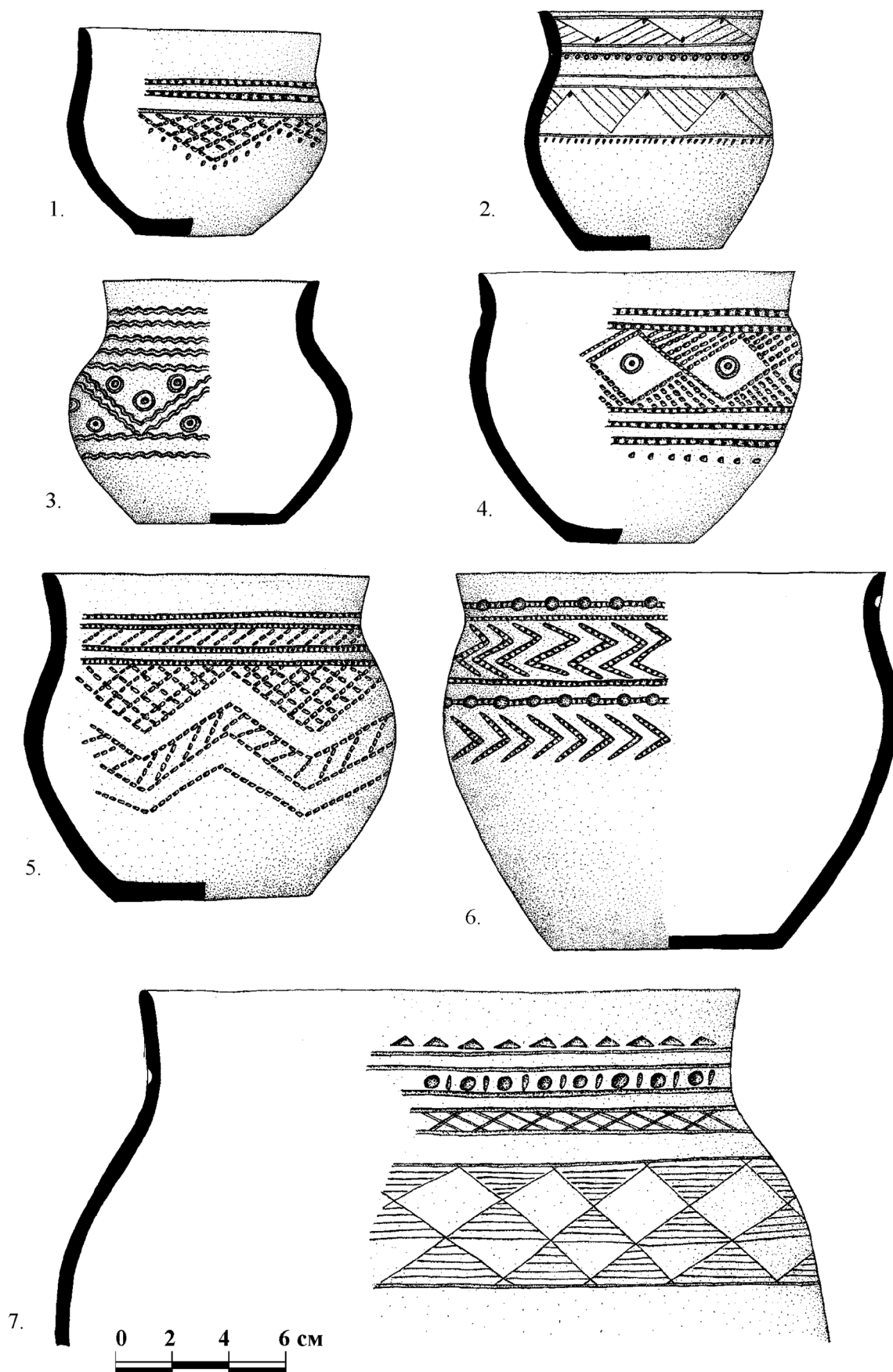

Рис. 6. Крохалёвка-13. Керамика из кургана №1: 1, 3–5 – поминальники; 2 – погр. 1а; 6 – погребение 1; 7 – насыпь

придерживаются В.И. Матющенко и А.В. Матвеев, к ним присоединяется и О.И. Новикова (Новикова О.И., 2000, с. 142). Как нам кажется, подобное

объяснение могло быть реальным. Полагаем, что дальнейшие исследования памятников эпохи поздней бронзы смогут дать ответ на все эти вопросы.

Литература

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажкинская культура лесостепного алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: АГУ, 1987. С. 137–158.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 29–54.

Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Часть IV. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 12. 94 с.

Матющенко В.И. Еловский курганный могильник 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. 62 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Новикова О.И. Исследование жилища на ирменском поселении Ельцовское-2 // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 140–147.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Том 1. Кн. 2. Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 485 с.

Сидоров Е.А., Новикова О.И. Очаги ирменского поселения Милованово-3 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. С. 83–84.

Титова М.В. Исследования в Крохалёвском археологическом микрорайоне // Археологические открытия. М.: Наука, 2001. С. 475–476.

Титова М.В. Характер взаимоотношений и сосуществования еловской и ирменской культур на территории Новосибирского Приобья (по материалам памятника Крохалёвка-7А) // Общество и коммуникация. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. С. 138–142.

Титова М.В., Борисов В.А. Сравнительный технологический анализ керамики эпохи бронзы ряда памятников Томского Приобья и Новосибирской области // Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. Приложение 3. С. 417–449.

Титова М.В., Невзорова И.В. Характеристика коллекции сосудов эпохи поздней бронзы поселения Крохалёвка-7А // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск: Изд-во ОГПУ, 2002. С. 276–277.

Троицкая Т.Н., Софеев О.В. Памятник Крохалёвка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. С. 63–72.

Шамшин А.Б. Андронидные культуры на юге Верхнего Приобья: проблемы генезиса и культурно-исторических связей (на примере корчажкинской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 497–503.

Шамшин А.Б. Поселение Казенная Заимка в г. Барнауле и проблема взаимодействия ирменской и корчажкинской культур в Барнаульском Приобье // Изучение памятников археологии Павлодарского Приртышья. Вып. 2. Павлодар: НПФ «Эко», 2006. С. 105–126.